

DOI 10.35775/PSI.2025.129.12.034

УДК 327.8

Д.В. ДРЕСВЯНИН

эксперт управления языковой подготовки,
Московский государственный институт международных
отношений (университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации, Россия, г. Москва

УПРАВЛЕНИЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТом В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Фундаментальная трансформация системы международных отношений под влиянием искусственного интеллекта (ИИ) обостряет противоречие между технологическим развитием и глобальной стабильностью. Отсутствие консенсуса в понимании природы ИИ и разрозненность нормативных практик препятствуют формированию устойчивых основ международного регулирования. Целью исследования является комплексный анализ воздействия ИИ на политико-дипломатические процессы и выработка практических рекомендаций по созданию сбалансированной модели контроля. Методологическую основу работы составляет интеграция сравнительного политического анализа, институционального подхода и дискурс-анализа. Научная новизна заключается в последовательном рассмотрении ИИ как политического конструкта и арены борьбы за регуляторную гегемонию. Результаты подтверждают двойственную природу ИИ, что обосновывает необходимость гибридной модели управления. К числу ключевых рисков ИИ относятся: алгоритмическая предвзятость, манипуляция общественным мнением и вызовы глобальной безопасности. Выявлены структурные изменения в международных отношениях, проявляющиеся в формировании новых цифровых альянсов и изменении баланса сил в условиях технологической конкуренции. Доказана ограниченность стратегий, опирающихся исключительно на национальный цифровой суверенитет. На основе анализа разработаны рекомендации по созданию многоуровневой системы регулирования, основой которой выступает конвергенция национального технологического потенциала и многосторонних институтов. Для формирования международного режима в сфере ИИ необходима активизация диалога в целях выработки унифицированных этических-правовых стандартов и создания специализированных надгосударственных координационных механизмов. Реализация принципа государственного суверенитета на практике требует развития собственных технологических экосистем и формирования кадрового потенциала, что определяет для России стратегию, направленную на укрепление технологической независимости и проактивное продвижение отечественных подходов в формирующуюся архитектуру глобального регулирования ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологическое регулирование, цифровой суверенитет, геополитика технологий, информационная безопасность, международные отношения, политические процессы.

Современная политическая реальность формируется под возрастающим влиянием искусственного интеллекта (ИИ), который превращается из инструмента в стратегический фактор, переопределяющий контуры государственного суверенитета, международный баланс сил и дипломатическую практику. Парадоксальным образом технологии, зарождавшиеся с претензией на глобальную интеграцию и универсальный доступ к информации, стали ключевым полем геополитического соперничества. Фундаментальное противоречие цифровой эпохи заключается в одновременном усилении глобальной взаимосвязанности и нарастающей фрагментации цифрового пространства по нормативным и ценностным границам. Этот «цифровой раскол» формирует новую архитектуру миропорядка, в которой информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) «оказывают такое же решающее воздействие» на статус государства и его суверенитет, «как ядерные технологии в 40-х годах прошлого века» [5. С. 1].

Трансформация политического ландшафта закономерно породила множественные, зачастую конкурирующие попытки ее научного осмысления, в результате чего сформировалось несколько исследовательских дискурсов, отражающих глубокие методологические и цивилизационные различия в понимании ИИ как политического феномена.

В западной, преимущественно англо-американской литературе, доминируют три взаимосвязанных подхода. Либерально-институциональное направление рассматривает ИИ как вызов, требующий развития глобального управления и транснациональных норм. В его рамках анализируется роль технологий в аспекте лидерства и динамики «мягкой» и «жесткой» силы (Дж. Най) [24. Р. 47-62], будущее либерального международного порядка (Г.Дж. Айкенберри) [20. Р. 121-138]. Отдельное внимание уделяется двойственному влиянию ИИ на демократические процессы, институты и ключевые принципы управления – подотчетность, прозрачность и легитимность (P.D. König, G. Wenzelburger) [22].

Критическая школа, укорененная в политической экономии и социологии технологий, трактует ИИ как инструмент власти и контроля. В этом ключе раскрываются практики поведенческого прогнозирования и манипуляции со стороны корпораций (Ш. Зубофф) [32]. Исследуется материальная и экологическая основа интеллектуальных систем, демонстрирующая их связь с глобальным неравенством и эксплуатацией (К. Кроуфорд) [14]. Критике также подвергаются расовые и гендерные предубеждения, встроенные в алгоритмы, и их разрушительное влияние на социальную справедливость (С.У. Нобл) [23].

Реалистическое (геополитическое) направление редуцирует ИИ до ключевого актива силовой конкуренции. Исследуются риски новых гонок вооружений и дестабилизации стратегической стабильности в связи с милитаризацией технологий (М. Горовиц) [19. Р. 36-57]. Логика «ловушки Фукидида» (Г. Эллисон) [13]

применяется к технологическому соперничеству Соединенных Штатов Америки (США) и Китая, где гонка за превосходство в сфере ИИ и автономных систем видится как поле биполярной конфронтации, определяющей будущий баланс сил (П. Шарре) [28].

Одновременно, в условиях становления «мультиплексного» мирового порядка (А. Ачарья) [11. Р. 2339-2365], развиваются незападные исследовательские программы. В частности, китайская академическая мысль совмещает технократизм с цивилизационным суверенитетом, утверждая верховенство государства. В этой логике технологическая автономия и кибердоминирование становятся важнее контроля над территорией (С. Янь) [31. Р. 313-341], а отсутствие общих правил расценивается как фактор, способный сделать конфликт вокруг ИИ более опасным, чем историческое биполярное противостояние (И. Ван) [30].

Комплексную исследовательскую программу, интегрирующую анализ угроз, нормативное проектирование и поиск практических механизмов, формирует российский научный дискурс. Изучаются вопросы информационной безопасности и гибридных рисков (А.В. Крутских, А.И. Смирнов) [5. С. 1-11; 8. С. 94-107], проблемы цифровой трансформации международных отношений, включая новые форматы дипломатии (Н.А. Цветкова, А.А. Сытник) [9. С. 174-196]. Технологии ИИ анализируются в контексте формирования многополярного цифрового мирового порядка, что теоретически обосновывает право на суверенные национальные модели регулирования технологий (Е.С. Зиновьева) [2. С. 27-47] и создает запрос на проектирование моделей многостороннего сотрудничества (В.Б. Козюлин) [4].

Концептуальное разнообразие в понимании ИИ сопровождается методологической разобщенностью и фрагментацией научного поля, что выражается в терминологической неопределенности и парадигмальном разрыве между моделями глобального управления и прагматикой национального суверенитета. В литературе сохраняются значительные пробелы: недостаточно изучена роль негосударственных акторов и незападных стран в формировании стандартов ИИ, отсутствуют сравнительные исследования эффективности регулятивных моделей в разных цивилизационных и политических контекстах, и, что наиболее важно, не предложено убедительных механизмов институционального дизайна, способных согласовать противоречивые требования безопасности, суверенитета и глобальной кооперации.

В политической практике концептуальный и институциональный вакуум в области ИИ закономерно проявляется в противостоянии суверенитетных и интеграционных подходов. Стремление государств защитить национальные интересы и обеспечить конкурентные преимущества ведет к активной реализации стратегий технологического суверенитета [7], суверенного контроля над цифровой средой [21] и формированию либерально-конкурентной модели регулирования [12; 16]. В то же время признание трансграничной природы технологических рисков стимулирует развитие многосторонних инициатив, направленных на выработку общих правил [18; 26; 29]. Нескоординированность этих разнонаправленных процессов создает устойчивые зоны регулятивной конфликтности.

Преодоление выбора между национальным суверенитетом и международным сотрудничеством становится фундаментальной задачей современного этапа. Решение видится не в победе одной логики над другой, а в проектировании такой управленческой архитектуры, которая смогла бы интегрировать надежные национальные правовые системы с гибкими многоуровневыми институтами для выработки универсальных стандартов. Возникает вопрос: какими институциональными и нормативными механизмами возможно обеспечить легитимное глобальное управление ИИ в условиях доминирования стратегий технологического суверенитета? Поиск ответа требует выхода за рамки традиционной дихотомии и обращения к анализу потенциала гибридных и сетевых форм кооперации как основы полицентричного миропорядка в цифровую эпоху.

Методологическую основу настоящего исследования составляет синтез качественных методов политической науки. Сравнительный политический анализ (Дж. Сартори) [27. Р. 1033-1053] позволяет систематизировать и сопоставить основные модели регулирования ИИ, выявляя их влияние на суверенитет и международную стабильность. Институциональный анализ в его неоинституциональной трактовке (Д. Норт) [6] используется для оценки того, как формальные и неформальные правила («правила игры») формируют политику в сфере ИИ. Дискурс-анализ (Н. Фэрклаф) [17. Р. 177-197] обеспечивает инструментарий для критического разбора нарративов, ценностных оснований и противоречий в политических инициативах. Последовательное и взаимодополняющее применение этих методов способствует объяснению ключевой проблемы в сфере управления ИИ – возможности выработки общих стандартов в условиях конкуренции суверенных стратегий.

Противоречивость цифровой трансформации в полной мере проявляется в двойственности технологии ИИ. Значительный преобразующий потенциал ИИ контрастирует с отсутствием научного консенсуса относительно базовой сущности технологии, которая постепенно становится «фактором, трансформирующим сложившиеся в академическом сообществе практики и подходы» [10. С. 36].

Попытки дать универсальное определение ИИ часто ограничиваются широкими, но технократическими трактовками, рассматривающими его как научное направление или раздел информатики [3]. Даже современные нормативные документы, декларирующие междисциплинарность, структурируют терминологию вокруг инструментов и методов, оставаясь в рамках инженерного дискурса [1]. В результате терминология не успевает за эволюцией феномена ИИ, находящегося на пересечении науки, технологии и социально-экономического инструментария.

С политологической точки зрения, ИИ может быть определен как социотехническая система и политический конструкт. С одной стороны, это совокупность алгоритмов и инфраструктур, перераспределяющих ресурсы, власть и агентность в обществе. С другой – это нарратив и поле смысловой борьбы, где различные акторы (государства, корпорации, экспертные сообщества) конкурируют

за право устанавливать его цели, границы и этические рамки, легитимируя тем самым свои стратегии и модели управления.

Такой терминологический разрыв между сложной, многоаспектной реальностью ИИ и его узкими дефинициями приводит к тому, что понятие превращается в «зонтичный термин» или политический нарратив. Он приобретает статус собирательной категории с высокой политической ценностью и используется акторами для продвижения интересов и конструирования новых форм власти.

Поэтому ключевым политическим вопросом становится уже не «что такое ИИ?», а «кто и в каких целях определяет его содержание и границы?». Эта борьба за смыслы и право устанавливать рамки обсуждения предопределяет конфликт регуляторных философий – от универсалистских претензий глобальных институтов до партикулярных стратегий национального суверенитета, – делая поиск консенсуса не столько технической, сколько мировоззренческой и политической проблемой.

Неудивительно, что конфликт интерпретаций вокруг ИИ напрямую проецируется на международные отношения. Политическое измерение ИИ раскрывается в трех взаимосвязанных плоскостях: как системный вызов этике и демократическому управлению, как трансформатор ключевых международных практик и как центральный предмет формирующейся глобальной регуляторной конкуренции, определяющей контуры будущего миропорядка.

Влияние ИИ на мировую политику фундаментально. Его алгоритмическая природа позволяет не только обрабатывать данные, но и воспроизводить, а также усиливать заложенные в них социальные предубеждения и властные отношения, создавая необходимость пересмотра сложившихся этических и правовых рамок [25].

В сфере демократических процессов алгоритмизация порождает системный парадокс: будучи инструментом модернизации институтов, ИИ одновременно подрывает их основы. Как отмечают П.Д. Кениг и г. Венцельбургер, технология кардинально меняет информационную среду, влияя на дефицит информации у граждан и лиц, принимающих решения [22]. Вызовы, которые ИИ создает для демократии, представляют собой развитие традиционных проблем «прозрачности и подотчетности», что требует внедрения «подходящих механизмов управления» [22].

Стремительное развитие технологий, особенно генеративного ИИ, масштабирует эти проблемы до уровня глобальных угроз. Помимо рисков для внутренней демократии, возникают опасности целенаправленной манипуляции общественным сознанием, милитаризации ИИ и утверждения форм «цифрового колониализма», когда технологические монополии и развитые государства получают беспрецедентный контроль над данными и вычислительными ресурсами [10. С. 38].

Постепенно ИИ становится фактором изменения международного баланса сил. Ученые предупреждают о рисках концентрации технологической власти, что может привести к глобальному информационному доминированию [10].

В этой связи необходимо формирование инклюзивных многосторонних механизмов, обеспечивающих равноправное участие всех государств в процессах контроля за ИИ и предотвращающих монополизацию этой сферы [10; 4; 8. С. 94-107].

Наиболее значительные изменения под влиянием цифровых технологий испытывает сфера дипломатии. ИИ становится не просто новым каналом коммуникации, а активным агентом, переопределяющим логику ведения международных переговоров, формирования образов и борьбы за влияние. Е.С. Зиновьева подчеркивает: ИИ кардинально трансформирует дипломатическую практику, выступая одновременно как инструмент, «объект международных переговоров» и «среда» для их реализации [10. С. 7].

Интеграция технологий приводит к сложному симбиозу традиций и инноваций. Как показывает М. Кржижановский на примере институтов ЕС, даже динамичные платформы (например, Twitter) в итоге воспроизводят укорененные дискурсы и практики, выступая скорее новым медиумом для старых подходов [15. Гл. 3].

В то же время, помимо адаптации устоявшихся походов, датафикация порождает и принципиальные вызовы, среди которых: «цифровая неопределенность, фрагментация цифровой реальности и проблемы... фрейминга для решения задач внешней политики» [9. С. 174]. Активное применение больших данных не предотвращает снижения эффективности государственной дипломатии и смещения влияния к неформальным акторам, что показывает, например, доминирование блогеров над официальными каналами в Афганистане [9]. Дипломатия из двустороннего или многостороннего переговорного процесса превращается в глобальное соревнование за управление вниманием и конструирование смыслов в информационной среде, усиливая потребность в выработке «обязывающих соглашений для проведения красных линий» в киберпространстве [9. С. 174].

Однако возможность такого регулирования ставится под сомнение, когда та же цифровая среда, будучи полем жесткого противоборства, скорее провоцирует конфликты, чем смягчает их. Эта фундаментальная рискогенность заставляет ученых скептически оценивать применимость цифровых инструментов для дипломатических целей. Т. Лемке и М. Хабеггер видят в этом ключевую проблему, указывая на противоречие между логикой дипломатии, направленной на урегулирование конфликтов, и аффективной природой цифровой коммуникации [15. Гл. 10].

Подобные дилеммы в еще большей степени характерны для сферы глобального нормотворчества в области ИИ, где ключевой проблемой становится устойчивая тенденции «запаздывания адаптации нормативно-правовой базы» по отношению к внедрению технологических новшеств [10. С. 46]. Разрыв усугубляется столкновением принципов национального суверенитета с необходимостью глобальных решений, что ведет к формированию конкурирующих регуляторных парадигм.

На сегодняшний день доминируют три модели, реализуемые ключевыми игроками. Европейский Союз (ЕС) продвигает превентивную,

риск-ориентированную модель, основанную на классификации систем ИИ по уровню угрозы правам личности [26]. США и Великобритания культивируют подход, основанный на принципах «мягкого права» (адаптации норм и добровольных стандартов), делая ставку на обеспечение глобального лидерства (США) [16] и поддержку инноваций (Великобритания) [12]. Параллельно формируется китайская этатистско-суверенная модель, в которой регулирование подчинено задачам национальной безопасности и социальной стабильности [21].

Позиция России в этом контексте носит гибридный характер. Принятая в 2019 году Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года утверждает приоритет государственного суверенитета в цифровом пространстве [7]. Одновременно страна выступает за международное сотрудничество, основанное на принципах «равноправия, взаимного учета интересов и общей ответственности» [10. С. 46]. На практике это выражается в поддержке инклюзивных инициатив, таких как резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ООН) по ИИ (2024 г.) [29], и в продвижении тезиса о недопустимости гонки ИИ-вооружений и технологической монополии, что позволяет России позиционировать себя как одного из архитекторов будущего глобального управления ИИ.

Исход соперничества стандартов определит, станет ли будущее регулирование фрагментированным по зонам влияния или будут найдены общие механизмы, что обуславливает необходимость поиска рабочих моделей международного взаимодействия. Конкретные предложения включают продвижение многосторонних переговорных форматов и институтов оперативного взаимодействия до разработки обязательных международных договоров, устанавливающих четкие границы дозволенного в цифровой сфере [10; 4; 8; 9].

Перспективным представляется переход от конфликта парадигм к их синергии, что может быть реализовано по пяти взаимосвязанным направлениям.

1. Проектирование гибридной регуляторной архитектуры. Данная модель связывает национальный технологический суверенитет с инклюзивными многосторонними институтами, избегая их противопоставления. На национальном уровне необходимо формирование нормативно-правовых баз, обеспечивающих технологическую безопасность, защиту фундаментальных прав и этические стандарты применения ИИ. На международном уровне приоритетом должна стать гармонизация подходов и выработка сбалансированной повестки в рамках ключевых многосторонних площадок, прежде всего ООН, БРИКС и ШОС, в полном соответствии с духом резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, ориентированной на учет интересов всех государств [29]. Практика требует синхронного развития национальных регуляторных экосистем и проактивного участия в формировании международных правил на основе суверенного равенства.

2. Разработка рамочных международных принципов этико-правового регулирования ИИ. Формирование доверия к глобальному управлению ИИ невозможно без выработки минимального консенсуса вокруг принципов ответственности разработчиков, транспарентности алгоритмов и приоритета защиты

прав человека. Регуляторные механизмы должны интегрировать апробированные подходы, включая риск-ориентированное регулирование, требования к объяснимости решений и процедуры минимизации алгоритмических предубеждений. Разработка и продвижение таких принципиальных рамок открывает для государств, включая Россию, стратегическую возможность укреплять нормативное влияние, предлагая собственные этико-правовые стандарты в качестве основы для глобального диалога и будущих многосторонних соглашений.

3. Институционализация инклюзивных экспертно-координационных платформ. Для преодоления фрагментации и консолидации экспертно-регуляторных усилий целесообразно учредить под эгидой ООН постоянную экспертно-консультативную платформу (межправительственный комитет) по вопросам ИИ. Ее ключевой функцией должна стать координация исследований, обмен лучшими практиками, выработка согласованных рекомендаций, принципиально отличающихся от задач наднационального регулирования. Параллельно для апробации гибких форматов сотрудничества следует развивать предметные диалоги в рамках таких объединений, как БРИКС+, ШОС, G20 и других региональных форматов, что позволяет государствам укреплять свои позиции как центры формирования глобальной повестки.

4. Интенсификация научно-технического сотрудничества и кадрового обмена. Преодоление технологического неравенства предполагает стимулирование международных исследовательских консорциумов по разработке безопасных и объяснимых ИИ-систем для решения глобальных проблем, а также реализацию целевых международных программ передачи знаний, развития инфраструктуры и подготовки кадров для стран Глобального Юга в рамках мандата резолюции ООН [29]. Реализация национального технологического суверенитета требует от государств параллельной работы по внутреннему развитию и выстраивания международных коалиций, усиливающих их влияние.

5. Трансформация подготовки управленческих и дипломатических кадров. Для защиты национальных интересов в условиях регуляторной конкуренции необходима модернизация образования госслужащих через внедрение междисциплинарных модулей по цифровой дипломатии, праву и этике ИИ. Формирование такого кадрового потенциала обеспечит эффективное участие в создании архитектуры глобального управления технологиями.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что центральным узлом формирования глобального режима управления ИИ является не техническая сложность, а политическое противостояние вокруг его онтологической природы. Конкурирующие определения ИИ как объекта контроля, актива, инструмента власти лежат в основе борьбы за нормативную гегемонию, где технологическое лидерство конвертируется в определяющее влияние на мировой порядок.

Основной вывод работы заключается в доказательстве структурной недостаточности стратегий, опирающихся либо исключительно на национальный цифровой суверенитет, либо на универсалистские проекты, игнорирующие принцип

суверенного равенства. Двойственная сущность ИИ, одновременно создающего возможности и генерирующего системные трансграничные угрозы, делает поиск решений в рамках одной парадигмы неэффективным, что требует разработки принципиально новой, гибридной институциональной модели.

Концептуальной основой для нее может стать принцип стратегической взаимозависимости, который заключается в признании того, что национальные стратегии технологического суверенитета и многосторонние институты должны проектироваться как взаимно усиливающие элементы единой системы. Устойчивое глобальное управление технологиями возможно только при условии, что международные нормы обеспечиваются внутренним потенциалом государств, а национальное технологическое развитие приобретает легитимность в контексте согласованных правил и коллективных действий по снижению общих рисков.

Таким образом, центральная политическая задача смещается с конфронтационного нормотворчества к сложной работе по созданию механизмов, обеспечивающих эту синергию. Для государств, заинтересованных в формировании многополярного технологического порядка, включая Российскую Федерацию, это формирует стратегический императив, сочетающий ускоренное внутреннее развитие конкурентоспособных экосистем с проактивным продвижением на ключевых международных площадках принципов справедливого и инклюзивного регулирования. Успешное построение легитимной архитектуры глобального управления ИИ будет определяться способностью международного сообщества создать функциональные институты, гарантирующие баланс между национальным суверенитетом, коллективной технологической безопасностью и эффективной многосторонней кооперацией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022). Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта: национальный стандарт Российской Федерации: введен 1 января 2025 года // https://www.garant.ru/files/7/7/1799577/natsionalniy_standart_rf_gost_r_71476_2024_iso_mek_22989_2022_iskusstvenniy_inte.pdf.
2. **Зиновьева Е.С.** Кибердипломатия в условиях обострения великодержавной конкуренции // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17. № 4.
3. Искусственный интеллект // Большая российская энциклопедия // <https://bigenc.ru/c/iskusstvennyi-intellekt-ac9fb0?ysclid=mj29qu92cb286631321>.
4. **Козюлин В.Б.** Многостороннее сотрудничество в области регулирования использования технологий искусственного интеллекта: Научная записка. М.: ООО «ПИР-Пресс», 2021.
5. **Крутских А.В.** Глобальная киберповестка: дипломатическая победа // Международная жизнь. 2021. № 7.

6. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
7. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 // Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>.
8. **Смирнов А.И.** Международная безопасность: вызовы и угрозы технологий искусственного интеллекта // *Международная жизнь*. 2023. № 8.
9. **Цветкова Н.А., Сытник А.Н., Гришанина Т.А.** Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2022. Т. 15. № 2.
10. «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: анализ. докл. / под ред. Е.С. Зиновьевой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Каф. мировых полит. процессов. М.: МГИМО-Университет, 2024.
11. **Acharya A., Estevadeordal A., Goodman L.W.** Multipolar or multiplex? Interaction capacity, global cooperation and world order // *International Affairs*. 2023. Vol. 99. No. 6.
12. AI regulation: a pro-innovation approach. Policy Paper. UK Government. 2023 // <https://www.gov.uk/government/publications/ai-regulation-a-pro-innovation-approach/white-paper>.
13. **Allison G.** *Destined For War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
14. **Crawford K.** *Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence*. New Haven: Yale University Press, 2021.
15. *Digital Diplomacy and International Organisations: Autonomy, Legitimacy and Contestation* / ed. by C. Bjola, R. Zaiotti. London: Routledge, 2020.
16. Executive Order No. 14179: Removing Barriers to American Leadership in Artificial Intelligence. The White House. January 23, 2025 // <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/removing-barriers-to-american-leadership-in-artificial-intelligence>.
17. **Fairclough N.** *Critical discourse analysis and critical policy studies* // *Critical Policy Studies*. 2013. Vol. 7. No. 2.
18. *Global Digital Compact: outcome document of the Summit of the Future* // United Nations. 2024. September 22 // <https://www.un.org/techenvoy/global-digital-compact>.
19. **Horowitz M.** *Artificial Intelligence, International Competition, and the Balance of Power* // *Texas National Security Review*. 2018. Vol. 1. No. 3 // <https://tnsr.org/2018/05/artificial-intelligence-international-competition-and-the-balance-of-power/>.
20. **Ikenberry G.J.** *Three Worlds: the West, East and South and the competition to shape global order* // *International Affairs*. 2024. Vol. 100. No. 1.

21. Internet Information Service Algorithmic Recommendation Management Provisions(《互联网信息服务算法推荐管理规定》)//CyberspaceAdministration of China. 2022 // http://www.cac.gov.cn/2022-01/04/c_1642894606364259.htm.
22. **König P.D., Wenzelburger G.** Opportunity for renewal or disruptive force? How artificial intelligence alters democratic politics // Government Information Quarterly. 2020. Vol. 37. Iss. 3.
23. **Noble S.U.** Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism. New York: New York University Press, 2018.
24. **Nye J.S.** Soft Power and American Foreign Policy // «Soft Power» and Great-Power Competition: China and Globalization. Singapore: Springer, 2023.
25. **Peters U.** Algorithmic Political Bias in Artificial Intelligence Systems // Philosophy and Technology. 2022. Vol. 35, 25.
26. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on laying down harmonised rules on artificial intelligence // Official Journal of the European Union // https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401689.
27. **Sartori G.** Concept Misformation in Comparative Politics // The American Political Science Review. 1970. Vol. 64. No. 4.
28. **Scharre P.** Army of None: Autonomous Weapons and the Future of War. New York: W.W. Norton & Company, 2018.
29. United Nations General Assembly. Seizing the opportunities of safe, secure and trustworthy artificial intelligence systems for sustainable development: resolution adopted by the General Assembly on 21 March 2024. A/RES/78/265 // <https://undocs.org/A/RES/78/265>.
30. **Wang J.** America and China Are Not Yet in a Cold War. But They Should Avoid Something Worse // Foreign Affairs. 2023. November 23 // <https://www.foreignaffairs.com/united-states/america-and-china-are-not-yet-cold-war>.
31. **Yan X.** Bipolar Rivalry in the Early Digital Age // The Chinese Journal of International Politics. 2020. Vol. 13. No. 3.
32. **Zuboff S.** The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.

D.V. DRESVYANIN

Expert at Directorate of language training
Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University),
Moscow, Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE GOVERNANCE IN WORLD POLITICS: THE CHALLENGES OF NATIONAL SOVEREIGNTY AND PROSPECTS FOR GLOBAL REGULATION

The fundamental transformation of the international relations system under the influence of artificial intelligence (AI) intensifies the contradiction between technological development and global stability. The lack of consensus on the nature of AI and the fragmentation of regulatory practices hinder the formation of sustainable foundations for international regulation. The aim of the study is a comprehensive analysis of AI impact on political and diplomatic processes and a development of practical recommendations for creating a balanced control model. The methodological basis of the work is the integration of comparative political analysis, institutional approach, and discourse analysis. The scientific novelty lies in a consistent consideration of AI as a political construct and an arena of struggle for regulatory hegemony. The narrative analysis of expert positions and regulatory legal documents ensures a deep understanding of modern trends in the digitalization of politics. The results confirm the dual nature of AI, necessitating a hybrid governance model. Key AI risks include algorithmic bias, manipulation of public opinion, and challenges to global security. Structural shifts in international relations are identified, manifested in the formation of new digital alliances and shifts in the power balance under conditions of technological competition. The limitations of strategies relying exclusively on national digital sovereignty are proven. The conducted analysis allows to develop recommendations for creating a multi-level regulatory system, the basis of which is the convergence of national technological potential and multilateral institutions. Achieving international AI regulation regime requires intensifying dialogue to develop unified ethical and legal standards and create specialized supranational coordination mechanisms. Implementing the principle of national sovereignty in practice requires developing national technological ecosystems and boosting human capital, which makes Russia promote its strategy aimed at strengthening technological independence and proactively advancing national approaches within the emerging architecture of global AI regulation.

Key words: artificial intelligence, technology regulation, digital sovereignty, geopolitics of technology, information security, international relations, political processes.